

Не успели оглянуться, как наступила суббота.

Хань Сюнь ещё за три дня вывесил у входа в кофейню объявление: в субботу во второй половине дня заведение закрыто для посетителей, будет частное мероприятие. В двенадцать, проведив последнюю партию клиентов, он по заранее намеченному плану сдвинул столы и стулья к двум сторонам зала, а Чэнь Дун тем временем ещё раз вымыл помещение, надраив мраморный пол до блеска.

Прошло ещё полчаса, и Е Синью, с тяжёлым рюкзаком за плечами, толкнул дверь кофейни.

Он определённо был самым верным другом человеком на свете: вчера задержался на работе до глубокой ночи, сегодня утром кое-как доспал недостающее, а теперь уже пришёл помогать. Вот только после всей этой беготни круги под глазами стали ещё гуще, весь облик сделался мрачным, что даже затмило его красивые, точёные черты.

— Звёздочка, ты чего так рано? Мероприятие начинается в два, ты мог бы ещё поспать.

Чэнь Дун отложил швабру и поспешил навстречу.

— Да ничего, я хотел прийти пораньше, ещё и помогу вам с приготовлениями, — отозвался Е Синью.

Хотя друг работал в кофейне уже больше месяца, Е Синью впервые видел его за работой. Униформа была точь-в-точь как у Хань Сюня, только размер отличался. Светло-кофейный фартук был повязан на поясе и туго затянут узлом на спине, отчего вид получался ладный и аккуратный.

После короткого обмена любезностями взгляд Е Синью быстро переместился на другого человека — «кофейного братца».

На День образования КНР он в одиночку отважно ворвался в кофейню, желая познакомиться с этим легендарным кофейным братцем. Посмотреть, что у того, три головы и шесть рук, раз уж Чэнь Дун каждый день без умолку о нём твердит. Жаль, в тот день застал только хозяина, а с кофейным братцем, к сожалению, разминулся.

Сегодня он явился во всеоружии: помощь — это так, для виду, а на деле — поглазеть.

— Так это и есть твой коллега? — спросил Е Синью, прекрасно зная ответ. — Чэнь Дун, не познакомишь нас?

Чэнь Дун торопливо сказал:

— Хань Сюнь, это Е Синью, мой лучший друг, а ещё мой нынешний сосед. Звёздочка, это Хань Сюнь, он... Эм, ну, ты знаешь, это он.

Последние несколько слов он произнёс очень невнятно, потому что и сам не знал, как представить Хань Сюня и свои с ним отношения.

Сказать «коллега»? Отношения не настолько холодные.

Сказать «друг»? Но не настолько, чтобы говорить обо всём на свете.

Сказать «человек, который в меня тайно влюблён»? ...Ай, такие вещи лучше держать при себе.

К счастью, Хань Сюнь не заметил расплывчатости в его словах. Он подошёл к Е Синью и с уместной улыбкой естественно протянул руку:

— Очень приятно, Чэнь Дун всё время рассказывает про тебя, своего друга детства.

Е Синью, не подавая виду, оглядел его:

— Очень приятно, я тоже всё время слышу о тебе от Дундуна.

При первой встрече впечатление Е Синью о Хань Сюне сложилось вполне неплохое.

До этого он слишком много раз слышал от Чэнь Дуна про кофейного братца, так что в душе уже сложился смутный образ этого человека. Но, увидев мужчину вживую, понял, что все эти представления были слишком поверхностны.

Хань Сюнь был правильной наружности, со спокойным нравом. Черты его лица глубокие, особенно эти глаза, словно он уже повидал тысячу парусов, а потом сам, по своей воле, вернулся к простой жизни. Е Синью казалось, что он похож не на работника кое-как перебивающейся кофейни с жалкой выручкой, а скорее на мастера боевых искусств, удалившегося на покой в деревенскую глушь.

Пользуясь рукопожатием, Е Синью осмотрел его руки: ногти подстрижены очень коротко, пальцы вымыты дочи́ста — значит, не курит и не страдает дурной привычкой к выпивке. Одежда чистая, волосы тоже уложены свежо и опрятно, ростом довольно высок, мускулатура накачана неплохо.

.....Для начала поставлю-ка 8 баллов из 10.

К слову, своему другу детства Е Синью выставил 9,9 балла. 0,1 балла снял за то, что тот вечно

любит фантазировать.

Е Синью и Хань Сюнь обменялись именами, можно считать, предварительно познакомились. Чэнь Дун помог другу снять с плеч рюкзак, и только тут Хань Сюнь обнаружил, что тот, оказывается, прозрачный!

А ещё внутри лежал большой пушистый белый кролик.

Кролик был чуть мельче кошки, выглядел кругленьким и упитанным, мех белоснежный и гладкий — сразу видно, что хозяин очень заботливо за ним ухаживает. А самое умильное, он был наряжен в «костюм детектива», да ещё с подходящим маленьким плащиком и маленькой шляпкой, отчего выглядел крайне модно.

Именно так, это любимый кролик Чэнь Дуна!

С тех пор как кролику сделали операцию по стерилизации, прошло уже больше месяца. Недавно Чэнь Дун водил его на повторный осмотр снимать швы, и врач сказал, что зверёк восстанавливается очень хорошо. Как раз сегодняшнее мероприятие должно было рекламировать «Великого детектива Фу Сяосы», вот он и попросил Е Синью привезти кролика, чтобы тот побыл его маленькой моделью.

Чэнь Дун ловкими и нежными движениями вынул питомца из прозрачной переноски. Кролик впервые попал в незнакомую обстановку и немного испугался, но, учуяв знакомый запах хозяина, постепенно успокоился и тихо устроился у него на сгибе локтя.

Хань Сюнь с некоторым любопытством разглядывал пухлого зверька.

Он знал, что Чэнь Дун держит дома кролика: в конце концов, у того и на заставке телефона как раз кролик, и в моментах каждую неделю выкладывает его фото, и даже стикеры из этих фото делает. Ничем не отличается от родителей, которые после рождения ребёнка как одержимые хвастаются своим чадом.

Хань Сюнь спросил:

— А как его зовут?

Стоявший рядом Е Синью ответил:

— Ее зовут Рисоварка.

Хань Сюнь:

— ...Что?

Он решил, что ослышался.

— Ее правда зовут Рисоварка, — смущённо пояснил Чэнь Дун. — Мы тогда только переехали, не хватало рисоварки, изначально собирались купить её в супермаркете, да кто ж знал, что на ночном рынке у входа окажется лоток с набрасыванием колец, а главный приз — рисоварка. В итоге...

....В итоге результат очевиден: они спустили все деньги, что были при себе, рисоварку так и не накинули, накинули только кролика.

Чэнь Дун великодушно предложил:

— Хочешь поддержать Рисоварку? У нее очень хороший характер.

Хань Сюнь охотно согласился. Он держал на руках котят и щенков, в Африке держал даже львят и тигрят, но рисоварку¹ держал впервые в жизни.

1. рисоварка с маленькой, как у автора для шутки.

Чэнь Дун осторожно переложил большого белого кролика на сгиб локтя Хань Сюня, и тот ощутил лишь тяжесть в руках — питание у зверька и впрямь отменное.

— Кто тут самая послушная малышка на свете? Это ты? Это ты? — обращаясь к своему крольчонку, Чэнь Дун даже засюсюкал.

Он стоял сбоку, вытянул палец и почёсывал малышке подбородок, совершенно не замечая, что сам уже почти прижался всем телом к руке Хань Сюня.

Тот опустил голову, взглянул на кролика на сгибе локтя, потом повернулся и посмотрел на сияющего улыбкой Чэнь Дуна, что-то дрогнуло у него в душе, и голос сам собой стал ещё мягче:

— Он очень послушный, ты хорошо его растишь.

Е Синью, стоявший рядом и наблюдавший всё это:

—(сотрясение зрачков.jpg)

— Он решил снять с “братца” два балла, потому что голос, когда он говорил с Чэнь Дуном, был до отвращения приторным.

И как раз когда они, обступив кролика, сюсюкали всякие глупости, дверь кофейни снова распахнулась.

На пороге возник модно одетый с ног до головы мужчина. Он стоял против света, словно злодей, который наспех появляется только в самом финале фильма. Солнечные очки люксового бренда, твиловый тренч из габардина, дизайнерская сумочка-клатч — всё на нём дышало шиком.

Прибывший — не кто иной, как «хозяин кофейни» Чай Цзюнь.

Он стремительно ворвался внутрь. Скользнул взглядом и заметил, что его добрый брат Хань Сюнь бережно держит на руках младенца в шляпке и плащике, и тут же от изумления у него отвисла челюсть.

— Хань Сюнь, чёрт, ты когда успел... Ты как же... О таком важном деле ни разу не обмолвился? А где невестка? Сколько ребёнку месяцев?

Хань Сюнь:

— ...

Чэнь Дун:

— ...

Е Синью:

— ...

Если бы кролик на руках умел говорить, он, наверное, тоже сделал бы «...».

Хань Сюнь беспомощно произнёс:

— Ты приглядиись получше, откуда тут ребёнок? Это же явно рисоварка.

Чай Цзюнь:

— ...А?

Хань Сюнь поправился:

— Не то, это кролик, его зовут Рисоварка.

Чай Цзюнь подошёл ближе и только тогда разглядел, что Хань Сюнь и впрямь держит на руках пухлого кролика. Точь-в-точь как с конфетных фантиков, что ели в детстве, как из детских песенок, типичнее некуда — большой белый кролик.

Вот только этот был одет в маленький костюмчик в детективном стиле, да ещё с плащиком и шляпкой в придачу — очень забавно.

Хань Сюнь бережно вернул кролика в руки Чэнь Дуна, а затем принялся знакомить их:

— Это Чэнь Дун, официант на полставки в нашем заведении. А это Чай Цзюнь, нашего заведения... — он сделал едва уловимую секундную паузу и только потом продолжил, — ...Хозяин.

Услышав, что прибыл хозяин, Чэнь Дун торопливо вытянулся по стойке смирно и, держа кролика, почтительнейше отвесил Чай Цзюню поклон:

— Здравствуйте, хозяин! Я Чэнь Дун, спасибо, что предоставили мне эту работу, я буду стараться. И ещё хочу поблагодарить вас за то, что разрешили устроить в заведении это мероприятие. Будьте спокойны, я ни в коем случае не доставлю вам хлопот!

Пока Чэнь Дун раскланивался и здоровался, Чай Цзюнь стянул солнечные очки с переносицы и пристально, во всех деталях, оглядел его.

...И это тот самый великий писатель детских книг? Тот, ради кого Хань Сюнь пошёл даже на то, чтобы скрыть свою личность, лишь бы помочь? На вид никакой особой стати великого литератора — держит на руках кролика, да и сам похож на кролика: глаза чёрные-чёрные, кожа белая-белая, вид и впрямь какой-то изящный.

Хань Сюнь сбоку прочистил горло и ровным тоном сказал:

— Чэнь Дун, не надо кланяться, наш хозяин не из тех, у кого строго по полочкам «начальник — подчинённый».

Как же Чай Цзюнь мог не уловить, к чему тот клонит, и поспешно подхватил:

— Да-да-да, Сяо Чэнь, не церемонься так. Я не хозяин кофейни...

Язык у него был быстрее мысли — неосторожно проболтался и вытащил наружу правду.

Хань Сюнь тут же метнул в него убийственный взгляд.

А Чэнь Дун, держа кролика, выказал на лице сомнение.

— Я хочу сказать — не зовите меня хозяином, такое обращение давно вышло из моды. Сейчас в ходу звать — Чай Цзюнь круто заложил вираж посреди фразы, — Идеологом! Да, я идеолог кофейни!

Все:

— ...

Неизвестно, с каких пор пошло это словцо, но хозяева всех хайповых заведений зовутся уже не хозяевами, а идеологами. В шанхайской булочной есть идеолог, в гуандунском магазине женской одежды есть идеолог, ну а в столичной кофейне, само собой, тоже есть идеолог. Если так пойдёт дальше, то и тот, кто печёт цзяньбин, будет идеологом, и тот, кто продаёт сяолунбао, будет идеологом, и массажисты-ножники, и гадалки — все смогут зваться идеологами.

цзяньбин

Чэнь Дун нерешительно спросил:

— Тогда как мне к вам обращаться? Идеолог... Чай?

«И правда, до чего странно.»

Чай Цзюнь, скрепя сердце, согласился:

— Так и зови.

«И правда, до чего режет слух.»

Чэнь Дун указал на стоявшего рядом и всё это время молчавшего друга:

— Идеолог Чай, это мой друг Е Синью, он тоже пришёл помочь.

Хоть они и виделись мельком всего раз месяц назад, Чай Цзюнь его всё же запомнил. Ведь то был первый раз, когда он сам делал матча-молоко: три стакана подряд запарол, да ещё чуть сам не захлебнулся насмерть.

Чай Цзюнь протянул руку и обменялся с Е Синью рукопожатием:

— Не думал, что снова свидимся. Ну как тебе матча-молоко, что я тогда сделал, вкусно было?

— ...Сойдёт, — отделался Е Синью на словах, а в душе выставлял ему балл.

.....Этому типу он тоже поставил восемь баллов, вот только из ста.

Двадцать баллов снято за вычурность в одежде, двадцать — за слабое зрение, раз принял кролика за ребёнка, двадцать — за то, что называет себя идеологом, и последние двадцать — за то, что переводит еду.

Е Синью подумал: «Я что, какой-то совсем уж пропащий человек, почему я должен жертвовать своим субботним временем, чтобы торчать тут счётной машинкой для баллов?»